
Религиозно-романтическая поэма Торквато Тассо: „Освобожденный Иерусалим“.

(Окончаніе). ¹⁾

III.

При сужденіи о литературныхъ достоинствахъ „Освобожденнаго Иерусалима“, необходимо обратить вниманіе на тѣ источники и образцы, которыми руководился Торквато Тассо въ своемъ творчествѣ.—Изъ разсмотрѣнія основнаго сюжета этой поэмы, а еще болѣе изъ сдѣланнаго нами изложенія ея общаго содержанія является очевиднымъ, что при созданіи своей религиозно-романтической эпопеи Торквато Тассо поставлялъ для себя образцомъ, прежде всего и главнымъ образомъ, бессмертную Иліаду Гомера. И на самомъ дѣлѣ, между событіями, временами и лицами было здѣсь такъ много общаго, что еслибы Тассо и не былъ прямымъ подражателемъ Гомера, онъ неизбѣжно долженъ былъ бы во многомъ сблизиться съ древнимъ греческимъ эпикомъ. Поэтому „Освобожденный Иерусалимъ“ его нѣкоторые критики не безъ основанія называютъ романтической Иліадою среднихъ вѣковъ. И это имѣетъ значеніе по отношенію къ произведенію Тассо какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ.—Прежде всего вліяніе Гомера отражается здѣсь въ общемъ художественномъ построеніи поэмы, основанномъ на послѣдовательномъ развитіи ея основнаго дѣйствія.

Извѣстно, что всякое истинно эпическое дѣйствіе непременно должно состоять въ разрѣшеніи какой-нибудь коллизіи, и эта коллизія имѣетъ здѣсь тѣмъ большее поэтическое

¹⁾ См. Богосл. Вѣстн., Апрель, 1901, стр. 640—664.

значение, чѣмъ рѣшительнѣе она образуется не изъ привходящихъ какихъ-либо и совершенно внѣшнихъ случайностей, но изъ внутреннихъ и необходимыхъ потребностей человеческого духа. Если мы обратимъ вниманіе на главнѣйшія обстоятельства „Освобожденнаго Іерусалима“, то самымъ существеннымъ и важнымъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, представляется убійство Гернанда Ринальдомъ, поведшее этого послѣдняго къ разрыву съ предводителемъ крестоносцевъ, Готфредомъ. Безъ этой ссоры священный городъ былъ бы взятъ немедленно, а слѣдовательно и всѣ послѣднія десяти пѣсней поэмы были бы совершенно излишни.—Подобная же коллизія, какъ извѣстно, находится и въ *Иліадѣ* Гомера; именно, во враждѣ двухъ главныхъ предводителей греческаго войска — Агамемнона и Ахиллеса. Но сравненіе этихъ коллизій, какъ по ихъ внутренней сущности, такъ и въ особенности по ихъ поэтическому разрѣшенію въ поэмѣ, представляется далеко не въ пользу Тассо.

Ссора Готфреда съ Ринальдомъ, какъ она представлена въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, является совершенно прозаическимъ случаемъ и, можно сказать, что она такъ же похожа на вражду Агамемнона съ Ахиллесомъ, какъ вражда частная и семейная на раздоръ народный. Вражда двухъ знаменитѣйшихъ греческихъ героев имѣетъ глубокой національный и нравственный смыслъ; ссора же Ринальдо съ Готфредомъ, напротивъ того, какъ чисто прозаическое явленіе, лишена всякаго серьезнаго значенія. Ринальдо, по общему признанію, избранъ былъ вождемъ одного отряда въ войскѣ крестоносцевъ; норвежскій принцъ, Гернадъ, самъ хотѣвшій начальствовать и оскорбленный такимъ избраніемъ, открыто порицаетъ своего противника и, такимъ образомъ, первый подаетъ поводъ къ ссорѣ. Когда Готфредъ, узнавъ о послѣдствіяхъ этой ссоры, хочетъ наказать Ринальда, онъ руководится не свободнымъ расположеніемъ духа, но мертвою буквою закона. Готфредъ чувствуетъ, что для успѣха военнаго предпріятія необходимо содѣйствіе Ринальда, но въ то-же время сознаетъ, что по требованію закона Ринальдъ необходимо долженъ быть наказанъ смертію. Избѣгающій наказанія Ринальдъ тоскуетъ о невозможности принимать участіе въ общемъ героическомъ подвигѣ. Такимъ образомъ, противорѣчіе между нуждою и долгомъ у Готф-

реда, между страхомъ наказанія и героическимъ желаніемъ у Ринальда составляетъ основную коллизію „Освобожденнаго Іерусалима“ Торквато Тассо.

Но, кромѣ другихъ невыгодъ, коллизія эта поэтична, по сравненію съ гомерическою, уже и потому, что представляется совершенно неразрѣшимою. Законъ, требующій смерти Ринальда, препятствуетъ здѣсь всякой мировой сдѣлкѣ между нимъ и Готфредомъ. Не смотря на это поэтъ всетаки ихъ примиряетъ. Необходимость въ содѣйствіи Ринальда для успѣха воинственнаго предпріятія крестоносцевъ заставляеть ихъ общаго предводителя произвольно ослабить въ данномъ случаѣ силу закона,—и это тѣмъ болѣе странно, что Ринальдъ не искупилъ своей вины никакою жертвою, никакимъ страданіемъ или подвигомъ, что, напротивъ того, во время своего удаленія, онъ наслаждался любовными нѣгами въ очарованныхъ садахъ Армиды.—Правда, отъ участія этого героя въ битвахъ зависитъ окончательная побѣда христіанъ надъ Сарацинами и въ этой чертѣ онъ напоминаетъ собою Ахиллеса. Мы видѣли уже, что удаленіе Ринальда изъ стана, подобно удаленію Ахиллеса, поставило все дѣло крестоносцевъ въ нерѣшительное положеніе. Они даютъ битву за битвой, но совершенно безъ всякаго успѣха. Но у Гомера возвращеніе главнаго героя мотивировано совершенно иначе,—гораздо естественнѣе и человѣчнѣе, а потому и несравненно художественнѣе. Упорство Ахиллеса во враждѣ къ Агамемнону сломила у него скорбь объ убитомъ другѣ, Патроклѣ, и желаніе отмстить смертію его убійцѣ. Мотивомъ примиренія враждующихъ героевъ Гомеръ выставляетъ, такимъ образомъ, трагическій моментъ и побужденіе къ мести, при данныхъ условіяхъ, естественно волнующее человѣческую грудь; оттого и примиреніе у него совершается полное, поэтически обусловленное и всякому понятное. Торквато Тассо же, если и примиряетъ на самомъ дѣлѣ своихъ героевъ, то совершенно произвольно и идея ихъ вражды въ сущности остается для нашего сознанія совершенно непримиренною.

Но подражая Гомеру въ основной коллизіи своей поэмы и желая, такимъ образомъ, придать ей правильную форму Іліады, Торквато Тассо, естественно, долженъ былъ подчиниться вліянію знаменитаго античнаго образца и въ частнѣйшемъ развитіи характеровъ главныхъ дѣйствующихъ

лицъ „Освобожденнаго Иерусалима“. Предводитель крестоноснаго воинства Готфредъ Бульонскій живо напоминаетъ собою Агамемнона. Еще болѣе близости къ Ахиллесу замѣчается, какъ мы уже видѣли, въ доблестномъ рыцарѣ Ринальдѣ. Храбраго и благороднаго рыцаря Танкреда можно сравнивать съ Диомедомъ. На мѣсто многоопытнаго старца Нестора здѣсь является Петръ Пустынникъ; вмѣсто хитроумнаго и преданнаго своему долгу Одиссея—графъ Тулузскій Раймондъ.—Но, слѣдуетъ отдать справедливость,—напоминая намъ гомерическихъ героевъ, Торквато Тассо тѣмъ не менѣе, во всемъ остается вѣрнымъ существеннымъ чертамъ рыцарскаго духа; такъ что, при всемъ сходствѣ лицъ, его всетаки нельзя признать здѣсь рабскимъ подражателемъ Гомера. Ринальдо, на примѣръ, хотя и представляется у него героическимъ юношею, но это — Ахиллесъ среднихъ вѣковъ, во всемъ вѣрный духу своего времени. Что касается Готфреда, то при одинаковости его положенія въ войнѣ съ положеніемъ Агамемнона, онъ по характеру своему несравненно выше и выразительнѣе, чѣмъ этотъ послѣдній. Бутервекъ полагаетъ даже, какъ это ни странно, что Тассо сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы въ нѣкоторыхъ моментахъ своей поэмы держался еще ближе эллинскаго поэта. Его усиліе, на примѣръ, сдѣлать, вопреки Гомеру, вождя крестоносцевъ главнымъ героемъ эпопеи рѣшительно не увѣнчалось успѣхомъ ¹⁾. Благочестивый Готфредъ, какъ и благочестивый Эней Виргилія, по образцу котораго онъ созданъ, не представляетъ собою ни живого идеальнаго характера, ни рѣзко очерченной оригинальной личности, вполне типичной для своего вѣка.

Но напоминая намъ Гомера въ основной коллизіи своей поэмы и въ характеристикѣ главныхъ дѣйствующихъ героевъ, Торквато Тассо заимствуетъ иногда для своихъ поэтическихъ цѣлей и нѣкоторыя частныя черты Иліады. Такъ, мы упоминали уже, что Эрминія даетъ у него объясненія осажденному въ Иерусалимѣ Аладину относительно воинства крестоносцевъ, наподобіе того, какъ это дѣлаетъ Елена старому Пріаму касательно войскъ ахейскихъ. Точно также, поединокъ Арганта съ Танкредомъ, прерванный чрезъ вмѣшательство герольда, состав-

¹⁾ Frid. Bouterwek: Geschichte d. Poësie und Beredsamkeit. B. II, 242 p.

ляетъ явное подражаніе поединку Аякса съ Гекторомъ. Равнымъ образомъ и многія сравненія Тассо, въ особенности его описанія сраженій, хотя и составлены ближайшимъ образомъ по образцу Virgilія, но ихъ первоисточникомъ и оригинальнымъ творцомъ является всетаки Гомеръ.—Относительно этихъ сраженій слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что изображеніе ихъ у Тассо стоитъ гораздо ниже гомерическаго. Битвъ въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ сравнительно менѣе, чѣмъ въ Иліадѣ Гомера; но не смотря на это, ихъ описаніе здѣсь довольно однообразно и проявляющійся въ нихъ героизмъ христіанскихъ рыцарей чрезвычайно монотоненъ. У Гомера затрудненія Грековъ возрастаютъ съ стройною постепенностью, у Тассо же, напротивъ, битвы повторяются совершенно безъ всякой градаціи и чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе.

Послѣ Гомера, важнѣйшимъ эпическимъ поэтомъ древности, имѣвшимъ огромное вліяніе на Тассо при созданіи имъ своей поэмы, является Virgilій. Какимъ высокимъ почтеніемъ къ Virgilію былъ проникнутъ Торквато Тассо, яснѣе всего обнаруживаютъ его „Разсужденія о героической поэмѣ“, гдѣ нѣтъ почти ни одного пункта, въ которомъ бы онъ не указывалъ на римскаго поэта, какъ на образецъ. Въ своей поэмѣ онъ, если и не выражаетъ этого открыто, то самое содержаніе ея показываетъ, что онъ былъ полонъ воспоминаніями изъ Virgilія.—Уже главный герой его поэмы, Готфредъ Бульонскій, созданъ, какъ мы уже замѣтили, по образцу Энея, въ которомъ, по словамъ Тассо, совмѣщается „благочестіе, религія, воздержаніе, крѣпость, великодушіе, справедливость и всѣ другія рыцарскія добродѣтели“ ¹⁾. Но Готфредъ Бульонскій превосходитъ Троянца еще тѣмъ, что онъ не доступенъ и обольщенію любви. Подражаніе Энею въ характеристикѣ этого главнаго вождя крестоносцевъ простирается въ поэмѣ Тассо, можно сказать, до мелочей. Словами Энея Готфредъ утѣшаетъ здѣсь павшихъ духомъ своихъ сподвижниковъ; подобно ему онъ троекратно простираетъ свои руки къ явившемуся ему во снѣ другу; тяжело раненый, онъ исцѣляется лишь при помощи своего Ангела

¹⁾ Leop. Ranke. Zur Geschichte der italienischen Poesie, 66 p.

хранителя,—услуга, которую и у Виргилия оказывает Венера Энею, срывая для исцѣленія его Dictamnus на горѣ Идѣ.

На ряду съ такой характеристикой главнаго героя, въ „Освобожденномъ Иерусалимѣ“ Тассо находится и множество другихъ второстепенныхъ вымысловъ, имѣющихъ свой прямой источникъ въ Энеидѣ Виргилия. Фабула о Низѣ и Евриалѣ, напримѣръ, воспроизводится у него почти цѣликомъ въ ночномъ выѣздѣ Клоринды; равнымъ образомъ и прежняя исторія этой героини во многомъ напоминаетъ собою исторію Виргилиевой Камиллы. Изъ Виргилия взяты у него два брата, сходные между собою до такой степени, что ихъ часто смѣшиваютъ родители; но образъ пораненія ихъ въ битвѣ дѣлаетъ между ними ужасное различіе. Жалобы и угрозы Армиды по удаленіи отъ нея Ринальда сходны въ поэмѣ Тассо съ жалобами и угрозами Дидоны въ четвертой пѣсни Энеиды. Нептунъ и Юнона, являющіеся видимо для человѣческаго глаза при паденіи Трои, живо напоминаютъ собою убитыхъ героевъ, принимавшихъ участіе въ окончательномъ штурмѣ Иерусалима. — Равнымъ образомъ, Торквато Тассо пользуется Виргиліемъ и при различныхъ сравненіяхъ и описаніяхъ въ своей поэмѣ. Блестящее изображеніе гавани Карфагенской въ Энеидѣ онъ воспроизводитъ при описаніи волшебнаго острова Армиды. Заимствуетъ оттуда описаніе битвъ при Акціумѣ и кораблей, подобныхъ свободнымъ цикладамъ; а на проливѣ гибралтарскій переноситъ то, что Виргилій говоритъ о проливѣ сицилійскомъ и т. под.

Однимъ словомъ, если въ общемъ планѣ своей поэмы, въ завязкѣ и развязкѣ ея основнаго дѣйствія, Торквато Тассо является рѣшительнымъ подражателемъ Гомера, то при выполненіи этого плана, въ разнообразныхъ его подробностяхъ и аксессуарахъ, онъ основывается, главнымъ образомъ, на Виргилии, какъ на блестящемъ римскомъ поэтѣ, пользовавшемся особенною славой въ учено-литературныхъ кругахъ того времени. Здѣсь онъ доходитъ иногда до мелочности, до воспроизведенія особенно удачныхъ фразъ и оборотовъ ¹⁾. Дѣло въ томъ, что Тассо отличался необыкновенно счастливою памятью, такъ что могъ безъ всякаго затрудненія воспроизводить мѣста изъ разныхъ авторовъ отъ трехъ

¹⁾ См. E. Ruth: Geschichte d. italienischen Poesie. B. II, 412—415 p.

до четырехъ сотъ стиховъ: очевидно, что при обработкѣ „Освобожденнаго Иерусалима“, его замѣчательная память была слишкомъ уже занята различными учено - классическими воспоминаніями. — Этимъ объясняется и то обстоятельство, что кромѣ высоко почитаемыхъ имъ Гомера и Виргилія, въ поэмѣ его встрѣчаются заимствованія и изъ нѣкоторыхъ другихъ латинскихъ поэтовъ, которыми онъ пользуется въ подходящихъ случаяхъ для своихъ поэтическихъ цѣлей. Напримѣръ, описаніе Эгейскаго моря, которое еще находится въ движеніи, послѣ того, какъ прекратилась буря, взято имъ изъ Овидія; равнымъ образомъ, какъ и сопоставленіе, которое норвежскій принцъ Гернандъ дѣлаетъ у него между своими притязаніями на замѣщеніе Дудона и притязаніями Ринальда, есть ничто иное, какъ подражаніе знаменитой рѣчи Аякса противъ Улисса въ „Метаморфозахъ“ того-же поэта. Изъ „Фарсалии“ Лукана онъ переноситъ въ свою поэму полный ужасовъ лѣсъ, стоящій вблизи Иерусалима; а рѣчь Готфреда предъ послѣднимъ рѣшительнымъ сраженіемъ есть почти буквальное воспроизведеніе рѣчи Цезаря предъ Фарсальской битвой.

Всѣ эти классическія воспоминанія свои, добытыя путемъ ревностнаго изученія, Торквато Тассо искусно связываетъ въ своей поэмѣ какъ съ ея общею историческою основою, такъ и съ различными вымыслами собственной фантазіи во вкусѣ новой романтической поэзіи. Мало того: слѣдуя при обработкѣ исторической матеріи „Освобожденнаго Иерусалима“ ближайшимъ образомъ Вильгельму Тирскому, онъ и въ своихъ романтическихъ вымыслахъ допускаетъ многія заимствованія изъ предшествующихъ ему поэтовъ романтиковъ. Вообще Тассо проникнутъ былъ правиломъ, что въ поэзіи всегда должно быть представляемо лишь самое превосходнѣйшее, откуда бы оно ни происходило. „Между прекрасными вещами“, говоритъ онъ въ своихъ „Разсужденіяхъ о героической поэмѣ“, „поэтъ избираетъ прекраснѣйшую, между великими—величайшую, между удивительными—удивительнѣйшую и этой удивительнѣйшей онъ ищетъ прибавить еще новость и величіе“ ¹⁾. — Такимъ образомъ, намѣреваясь первоначально расположить только историко-роман-

¹⁾ Leop. Ranke: Zur Geschichte d. italienischen Poesie. 69 p.

тическую матерію своего произведенія по правиламъ древне-классической эпопеи, Торквато Тассо въ результатъ достигнулъ того, что въ сущности объединилъ одинъ съ другимъ поэтическіе элементы двухъ различныхъ міровъ: міра древне-классическаго и ново-романтическаго. Поэтому, въ концѣ концовъ, онъ вовсе не такой поэтъ, который восхищаетъ нашу фантазію путемъ свободнаго изобрѣтенія и непосредственнаго личнаго вдохновенія. Не лишенный высокаго поэтическаго дарованія, онъ является здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и ученымъ, который, сопоставивъ очень разнообразный поэтическій матеріаль, глубоко усвоилъ его себѣ и затѣмъ постарался искусно и пріятно его изложить.

Само собою разумѣется, что всѣ эти разнообразные элементы „Освобожденнаго Іерусалима“, относящіеся къ столь различнымъ временамъ и отражающіе въ себѣ совершенно противоположныя культурныя состоянія, отталкиваясь взаимно, слишкомъ уже рѣзко и дисгармонично выступали бы въ этомъ произведеніи Тассо, еслибы ихъ не проникалъ всецѣло третій высшій элементъ, въ которомъ они до нѣкоторой степени примиряются и объединяются. Этимъ элементомъ является здѣсь христіанская религія, представленія которой поэтъ вводитъ въ содержаніе своей эпопеи, сообщая ей возвышенное общее настроеніе. Здѣсь открывается важная характеристическая особенность Торквато Тассо.

Предшествующіе ему поэты—романтики, Пульчи, Боярдо и въ особенности Аріосто, при обработкѣ своихъ произведеній, стояли совершенно въ сторонѣ отъ религіозныхъ представленій христіанства и находились даже въ противорѣчій съ духомъ современнаго имъ католичества. Но времена, когда подобныя тенденціи были не только терпимы, но и находили себѣ сочувствіе и одобреніе у большей части публики, прошли, и ко времени Тассо, поэзія въ Италіи не только примирилась съ Церковью, но и находилась въ значительной степени подъ ея вліяніемъ. Поэтъ нашъ съ самаго начала и понималъ свою задачу, именно, съ этой стороны. Онъ не даромъ придалъ своему главному герою, кромѣ всѣхъ добродѣтелей Энея, достоинства и свойства чисто духовнаго характера. Готфредъ представляется у него какъ-бы святымъ мужемъ, пресытившимся міромъ и всѣми его преходящими благами: когда онъ выступаетъ на сцену, онъ какъ-бы свя-

щеннодѣйствуетъ, а когда начинаетъ говорить, какъ - бы проповѣдуетъ. Но самымъ важнымъ проявленіемъ этой тенденціи Торквато Тассо служить то, что онъ на верху всего развивающагося дѣйствія своей эпопеи ставитъ, наподобіе разныхъ божествъ у Гомера, высшія міроуправляющія силы христіанскаго вѣроученія.—Главное дѣйствіе „Освобожденнаго Іерусалима“, какъ и въ Иліадѣ, совершается подъ вліяніемъ и при непосредственной помощи высшихъ сверхъестественныхъ силъ. На мѣсто верховнаго Зевса греческой религіи, является здѣсь Богъ - Отецъ; мѣсто различныхъ благодѣтельныхъ и враждебныхъ боговъ и богинь Олимпа заступаютъ здѣсь, съ одной стороны, свѣтлые ангелы, съ другой—князь тьмы и вооруженные магическими чарами волшебники.

Слѣдуетъ отдать справедливость, что при изображеніи сверхъестественныхъ существъ, введенныхъ въ развивающееся дѣйствіе эпопеи, Торквато Тассо дѣйствуетъ благо-разумнѣе всѣхъ христіанскихъ религіозно-эпическихъ поэтовъ. Богъ-Отецъ окруженъ у него почти тѣмъ-же непроницаемымъ таинственнымъ мракомъ, которымъ окружали Его древніе еврейскіе пророки; даже самъ сатана является здѣсь не въ видѣ безообразнаго и страшнаго чудовища, какъ у Данта, но какъ исполненный коварства и злобы, чистый духъ. Но если разсматривать предметъ съ поэтической точки зрѣнія, то нельзя не замѣтить здѣсь громадной разницы между нашимъ поэтомъ и Гомеромъ. — Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ сильнаго религіознаго воодушевленія, Тассо переходитъ въ крайность и представляетъ всю борьбу за Іерусалимъ подъ видомъ общей борьбы добраго начала со злымъ. Отсюда, въ его поэмѣ всѣ важнѣйшіе моменты поэтическаго дѣйствія переносятся въ высшую премірную область и поставляются внѣ круга естественныхъ человѣческихъ силъ. Само собою разумѣется, что при этомъ всѣ герои его на землѣ, въ особенности христіанскаго лагеря, совершенно отодвигаются на задній планъ, какъ чисто пассивныя орудія. Они принуждены здѣсь сражаться за ту землю, которая и безъ того всегда принадлежала Богу, хотя по Его попущенію, ея временно и завладѣлъ діаволь. Въ результатъ получается, что въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Тассо борются только добро со зломъ, а всѣ люди

только какъ - бы присутствуютъ при этомъ; тогда какъ у Гомера, совершенно наоборотъ, боги присутствовали лишь при Троянской войнѣ, потому что тамъ сражались люди.

При сужденіи о высшихъ міроуправляющихъ силахъ „Освобожденнаго Іерусалима“ нельзя обойти совершеннымъ молчаніемъ различныя магическія чудеса, также играющія немаловажную роль въ общемъ эпическомъ механизмѣ этой поэмы. Крестоносцы менѣе вооружены у Тассо этими чудесами, чѣмъ ихъ враги, и чудеса, которыми защищаются эти послѣдніе, всѣ суть произведенія чаръ и волшебства. Подъ этимъ разумѣется вообще таинственная власть, которая освобождаетъ человѣка отъ вліянія естественныхъ условій и даетъ ему возможность измѣнять по произволу формы естественныхъ явленій, не измѣняя ихъ сущности. Разсуждать здѣсь о бытіи или небытіи такой власти не лежитъ въ предѣлахъ нашей задачи: намъ слѣдуетъ указать только на ея общее значеніе.—Чудеса преобладаютъ въ поэзіи восточныхъ народовъ, потому что жители востока внутренней самостоятельности духа ищутъ въ отрѣшеніи его отъ всего внѣшняго. Несчастіе человѣка восточные народы усматриваютъ въ его зависимости отъ окружающей природы и свободу отъ этой зависимости представляютъ, какъ идеальное состояніе человечества.

При такомъ возрѣніи на природу, поэтическое легко смѣшивается тамъ съ магическимъ, и идеальный человѣкъ рисуется не иначе, какъ чудотворцемъ. То обстоятельство, что онъ управляетъ силами природы, именно, и служить свидѣтельствомъ его идеальнаго значенія. Вотъ почему въ восточной поэзіи, какъ на примѣръ, въ арабской, мы видимъ непрерывную погоню за чудесами, безъ всякаго опредѣленнаго смысла. Напрасно старались бы мы открыть въ нихъ какую-нибудь глубокую, затаенную мысль: ея здѣсь вовсе нѣтъ; потому что вся поэзія этихъ магическихъ дѣйствій, именно, и заключается въ ихъ чудесности.—Рыцарская поэзія среднихъ вѣковъ заимствовала этотъ элементъ отъ арабовъ. Нечего уже и говорить, что это совершенно не совмѣстно ни съ идею христіанства вообще, ни съ задачами христіанскаго искусства въ частности, и Торквато Тассо, конечно, сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы вовсе не употреблялъ ихъ въ своей поэмѣ. Правда, изображеніе магиче-

скихъ чудесъ приводить его ко множеству роскошнѣйшихъ картинъ, но въ нихъ выражается, всетаки, одна лишь пустая игра воображенія. Сильнѣе всякихъ магическихъ чаръ дѣйствуетъ на насъ естественное развитіе поэтическаго дѣйствія и для всякаго истиннаго поэта этого должно быть совершенно достаточно, чтобы приводить своихъ героев въ разнообразныя эпическія положенія.—Но и то слѣдуетъ замѣтить, что серьезный романтическій замыселъ, это исключительное достояніе новѣйшаго времени, не былъ еще развитъ въ Италіи въ эпоху Тассо и потому намъ не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать поэта, если онъ заимствуетъ у своихъ предшественниковъ мотивы, еще не потерявшіе своего значенія въ его время.

Но какъ бы то ни было, Торквато Тассо, посредствомъ введенія въ эпическое дѣйствіе высшихъ сверхъестественныхъ силъ, всетаки, вноситъ нѣкоторое единство въ то богатое разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ слагается его поэма, хотя единство это и слабо до такой степени, что его слѣдуетъ принять только за отсутствіемъ въ ней другого, болѣе глубокаго. Мало того: даже въ этомъ сверхчувственномъ элементѣ поэмы у него обнаруживается примѣсъ къ ортодоксальнымъ представленіямъ христіанскаго вѣроученія фантастическихъ чудесъ романтической поэзіи. Поэтому, поэму Торквато Тассо слѣдуетъ разсматривать не столько съ точки зрѣнія ея общаго плана, какъ связанное и архитектурически стройное цѣлое, а скорѣе—какъ рядъ занимательныхъ эпизодовъ, довольно слабо связанныхъ между собою. Въ красотѣ этихъ эпизодовъ и заключается главнымъ образомъ поэтическое достоинство „Освобожденнаго Іерусалима“.

Здѣсь обнаруживается не столько міросозерцаніе нашего поэта, не отличающееся особенною глубиною, сколько его необыкновенно чувствительное и нѣжное сердце. Великіе поэты, какъ напримѣръ, Дантъ, Шекспиръ и другіе, разрѣшаютъ въ своихъ произведеніяхъ какіе-либо существенные и важные вопросы человѣческой жизни; о Тассо нельзя сказать того-же самаго. Воззрѣнія его на жизнь не отличаются ни особенною широтою, ни глубиною. Въ этомъ отношеніи его можно сравнивать съ тѣми мыслителями, которые прекрасно могутъ разсуждать лишь о частныхъ предметахъ, не будучи въ состояніи объять ихъ въ цѣлой сово-

купности. Но зато тамъ, гдѣ у Торквато Тассо затрогивается чувство, искусство его производитъ чудеса. Онъ обладалъ удивительнымъ талантомъ изображать трогательныя картины, интересныя положенія, чувствительныя сцены,—и потому такого рода эпизодами, можно сказать, переполнено его произведеніе. Въ этой чертѣ своего генія Тассо живо напоминаетъ собою Virgilія. Трогать сердце было, какъ извѣстно, высшею и отличительною чертою римскаго поэта. Изображеніе разрушенія Трои и разлука Дидоны съ Энеемъ суть безсмертныя эпизоды въ Энеидѣ. Но трогательность Virgilія много теряетъ отъ многословія и явнаго желанія произвести эффектъ; Тассо же, напротивъ, нигдѣ такъ не простъ, не натураленъ, какъ, именно, въ выведеніи трогательныхъ положеній своей поэмы. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны у него сцена съ Олиндомъ и Софроніей, смерть датскаго принца, смерть переодѣтой Клоринды, убитой неузнанною влюбленнымъ въ нее Танкредомъ, гибель Одоардо и Гильдиппы, разлука Армиды съ Ринальдомъ и многія другія. Можетъ быть, собственная исполненная тревоженій судьба Торквато Тассо, особенно во время жизни его при феррарскомъ дворѣ, научила здѣсь поэта представлять съ такою рельефностью печальныя положенія человѣческой жизни.

Въ связи съ этой сердечной чувствительностью находится у Тассо необыкновенная воспримчивость его къ красотамъ природы, картины которой онъ живописуетъ въ своемъ произведеніи. На пространствѣ всей его эпопеи обстановка изображаемыхъ событій измѣняется много разъ и потому значительную часть ея составляютъ описанія мѣстностей. Красота этихъ описаній значительно поддерживаетъ интересъ всего произведенія и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на примѣръ, очарованный лѣсъ, стоящій близъ осажденнаго города, волшебные сады Армиды, справедливо считаются одними изъ лучшихъ мѣстъ „Освобожденнаго Іерусалима“. Картины богатой восточной природы поэтъ оживляетъ здѣсь выраженіемъ того впечатлѣнія, которое онѣ производятъ на душу, и такъ тѣсно связываетъ дѣйствіе съ описаніемъ сцены, что послѣдняя является существенною частью цѣлаго.

Къ немаловажному достоинству „Освобожденнаго Іеруса-

“Лима“ слѣдуетъ отнести проникающее его глубокое религиозное и нравственное чувство поэта. Въ судьбахъ и дѣйствіяхъ крестоносцевъ онъ усматриваетъ совершеніе воли божественной и въ иныхъ случаяхъ самому легкомыслію христіанскихъ рыцарей старается придать серьезное и важное значеніе. Къ сожалѣнію, такое пристрастіе къ воинамъ Христа, совершенно естественное въ христіанскомъ поэтѣ, переходитъ у Тассо въ исключительность, выражающуюся въ полной его нетерпимости къ ихъ врагамъ.—Конечно, отъ поэта, не отличавшагося особенною глубиною мысли, не возможно было и ожидать совершенно безпристрастнаго взгляда на двухъ враждующихъ народовъ, какъ это наблюдается, напримѣръ, у Гомера. Но понятно, что такое отношеніе къ предмету лишаетъ поэму Тассо характера строгой объективности, свойственнаго истинному эпосу. Благоговѣнно взирая на предпріятіе христіанскихъ рыцарей, поэтъ въ противникахъ ихъ видитъ только орудія діавола, одушевленные слѣпою ненавистью къ христіанству. Въ войскѣ мусульманъ, кромѣ женскихъ характеровъ Клоринды, Эрминіи и Армиды, всѣ остальные герои совершенно лишены всякаго поэтическаго интереса. Ихъ усилія защищать свою страну, свою религію и свободу поэтъ разсматриваетъ, какъ преступленіе; ихъ мужество онъ представляетъ, какъ одно лишь жалкое ожесточеніе, а въ благородныхъ жертвахъ ихъ отечеству видитъ богопротивное дѣло. Отъ этого борьба христіанскаго воинства съ мусульманами не заключаетъ въ себѣ здѣсь никакой самобытной нравственной занимательности. Между борющимися лицами мы не встрѣчаемъ въ поэмѣ Тассо дѣйствительнаго равенства, столь необходимаго для развитія истинно эпическаго дѣйствія. Борьба духовная уже давно здѣсь рѣшена полною побѣдою христіанства; на сторонѣ мусульманъ осталось одно лишь матеріальное владычество и окончательное ниспроверженіе его не представляетъ уже для насъ никакого особеннаго нравственнаго интереса.

Но если живая и глубокая религиозность поэта переходитъ въ исключительность, то, съ другой стороны, она дѣлаетъ его, какъ нельзя болѣе, способнымъ изобразить въ своей поэмѣ прекрасное состояніе религиозно-настроеннаго рыцарскаго духа. Это было, какъ мы видѣли, одною изъ цѣлей его произведенія, которой онъ и достигаетъ въ немъ

съ наибольшимъ успѣхомъ. Смотри на свое предпріятіе, какъ на дѣло Божіе, герои христіанскаго воинства, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, обращаются у него съ пламенною молитвою о небесной помощи и многія изъ этихъ обращеній способны переполнить душу читателя чувствомъ самаго возвышеннаго умиленія. Изъ множества примѣровъ этого рода въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, мы приведемъ здѣсь слѣдующую умилительную картину крестнаго хода, устроеннаго Готфредомъ предъ однимъ изъ штурмовъ священнаго города:

„На утро рано въ станѣ битвъ
 Два пастыря верховныхъ
 Стеклись въ обычный храмъ молитвъ
 И съ ними—Клиръ Духовныхъ;
 Жрецы въ одеждѣ изо льна
 Съ отливомъ серебристымъ;
 На первыхъ пастыряхъ она
 Изъ шелка съ златомъ чистымъ;
 На персяхъ ихъ въ двухъ полосахъ
 Завѣтная скрижали,
 И митры на сѣдыхъ власахъ
 Убранство довершали.

Идутъ; Петръ впереди, въ рукахъ
 Съ хоругвией святою;
 Поодаль въ длинныхъ двухъ рядахъ
 Хоръ медленной стопою.
 Совлекшійся земныхъ заботъ,
 Весь въ небѣ, сокрушенной—
 Онъ гимнъ преемственно поетъ
 Съ мольбою умиленной.
 За нимъ, оканчивая строй
 Торжественнаго хода,
 Вильгельмъ и Адемаръ четой—
 Святители народа.

По ихъ стопамъ Готфредъ одинъ;
 За нимъ, какъ за главою,
 Все подвое—вожди дружинъ
 Торжественной стезею;

Вождей сопровождаетъ строй
 Съ оружіемъ для защиты.
 Идетъ за валъ сторожевой
 Весь станъ, въ цѣль длинну свитый.
 Молчить труба—глашатай битвъ,
 Нѣтъ буйныхъ пѣсней ратныхъ,
 И слышенъ только гласъ молитвъ
 И гимновъ благодатныхъ.

И неся гласъ сей отъ дружинъ
 Къ Тебѣ, Отецъ Небесный,
 Къ Тебѣ, Единородный Сынъ,
 Къ Тебѣ, о Духъ всемѣстный;
 Къ Тебѣ, чистѣйшая духовъ—
 Мать Бого-Человѣка;
 Къ Вамъ, девять ангельскихъ чиновъ,
 Устроенныхъ отъ вѣка;
 Къ Тебѣ, пришедшему на брегъ
 Ко Іордану водный
 Крестить безгрѣшнаго и грѣхъ
 Очистить первородный;

Къ Тебѣ, Который камнемъ сталъ
 Несокрушимымъ вѣры,
 Который въ наше время далъ
 Преемнику примѣры,
 Какъ въ небо двери отверзать
 И вѣять благодатью;
 И къ Вамъ, Апостольская рать,
 Кровавою печатью
 Запечатлѣвшимъ на земли
 О смерти Бога вѣсти,
 И въ радостной небесъ дали
 Сподобившимся чести;

И къ Вамъ, писаніемъ своимъ
 И проповѣдью чудной
 Открывшимъ путь сынамъ земнымъ
 На небо многотрудной;
 Къ Тебѣ, о Божія раба,

Избравшей часть благую;
 И къ Вамъ, Затворницы, мольба
 Неслась въ страну святую,
 Гдѣ Богъ въ невѣсты васъ избралъ;
 И къ Вамъ, Святѣя Жены,
 Царей презрѣвшимъ и кинжалъ,
 Тиранствомъ изощренный.

Такъ Небо набожный народъ
 На милость преклоняетъ,
 И тихо къ Элеону ходъ
 Священный направляетъ,—
 Къ горѣ, которая давно
 Знакома намъ названьемъ:
 Оно для насъ освящено
 Апостольскимъ писаньемъ.
 Къ востоку предъ горой стоитъ
 Солимъ, глядясь со ската;
 Межъ ею и межъ имъ лежитъ
 Юдоль Иосафата.

Дружины, шествуя, поютъ,—
 И доли углубленны,
 И грота темнаго пріютъ,
 И холмы возвышенны,
 И вся окрестная страна
 Внимая пѣснямъ мирнымъ,
 Оглашена, изумлена;
 И эхо, по эфирнымъ
 Зыбямъ вѣясь, во всѣ мѣста
 Несетъ, твердитъ стократно
 Святѣя имена Христа
 И Дѣвы Благодатной ¹⁾).

Съ такимъ духомъ живою религіозности совершенно согласуется у Торквато Тассо то, что онъ отъ начала и до конца сохраняетъ въ своей поэмѣ извѣстное величіе и достоинство, подражая здѣсь возвышенному тону древней эпо-

¹⁾ Торквато Тассо: „Освобожденный Иерусалимъ“, XI п. Переводъ С. А. Раича. М. 1828 г.

пей. Это обнаруживается въ томъ, что онъ старается возвысить значеніе своихъ героевъ различными эпитетами; проявляется и въ самомъ построеніи его станцевъ, гдѣ онъ тщательно избѣгаетъ уменьшительныхъ словъ и охотно допускаетъ длинныя, поразительныя для слуха выраженія. Но всего очевиднѣе это открывается въ его стремленіи избѣгать слишкомъ мелочныхъ подробностей при различныхъ описаніяхъ, къ чему въ особенности былъ склоненъ Аріосто. Даже тамъ, гдѣ Тассо заимствуетъ свое повѣствованіе изъ историка, Вильгельма Тирскаго, онъ заботливо совокупляетъ частности, чтобы тѣмъ успѣшнѣе соблюсти тонъ общаго возвышеннаго представленія.—При этомъ Торквато Тассо всему заимствованному имъ у древнихъ, или у новыхъ поэтовъ придаетъ оригинальный отпечатокъ своего личнаго индивидуальнаго генія, стараясь все это умѣрить, смягчить и облагородить. Такъ, на примѣръ, онъ не допускаетъ въ своей поэмѣ ни слишкомъ преувеличеннаго любовнаго паэоса, ни чрезмѣрной, безалаберной погони за чудесами, господствующихъ у предшествующихъ ему поэтовъ - романтиковъ, — и даже смягчаетъ нѣкоторыя черты Виргилиевой Камиллы, перенося ихъ на свою Клоринду. Всего яснѣе это обнаруживается изъ тѣхъ измѣненій и сокращеній, какія онъ произвелъ впоследствии въ первоначальномъ юношескомъ планѣ своей поэмы, сдѣланномъ имъ въ Урбино ¹⁾.

Конечно, Торквато Тассо не совершенно свободенъ здѣсь отъ недостатковъ, частію имѣющихъ свое основаніе въ его индивидуальныхъ особенностяхъ, частію же отражающихъ въ себѣ общее настроеніе его времени. Его стремленіе, на примѣръ, подражать древне-классическимъ образцамъ иногда отзывается педантизмомъ. Искренняя религіозность не всегда бываетъ у него свободна отъ ложной аффектаціи и искусственной торжественности. Онъ нерѣдко допускаетъ слишкомъ изысканные обороты, натянутыя сравненія что придаетъ стилю его нѣкоторую манерность. Наконецъ, нѣжная чувствительность сердца производитъ то, что въ поэму его проникаетъ не свойственное эпосу личное настроеніе, состоящее изъ смѣшенія чего-то мечтательнаго, меланхолическаго и сентиментальнаго, совершенно въ духъ его эпохи.

¹⁾ См. Leop. Ranke: Zur Geschichte d. italienischen Poesia 73 p.

Но все это нисколько не мѣшаетъ намъ признать великія заслуги Торквато Тассо и согласиться съ тѣмъ, что въ общемъ онъ всетаки разрѣшаетъ ту задачу, которую себѣ поставлялъ. Онъ намѣревался, какъ мы уже знаемъ, объединить въ своей поэмѣ разнообразіе романтическихъ вымысловъ, которое правилось современной публикѣ, съ единствомъ древне-классическаго эпоса, котораго требовали ученые. И, сверхъ всякаго ожиданія, это ему до нѣкоторой степени удалось. Онъ въ первый разъ подчинилъ романтическій матеріалъ классическимъ законамъ, нисколько не нарушая при этомъ его существенныхъ отличительныхъ свойствъ. И такъ какъ Торквато Тассо имѣлъ на столько здравое пониманіе своей задачи, что назначалъ свою поэму не только для ученыхъ, но и для всего образованнаго общества, то и не удивительно, что онъ съ самаго же начала получилъ громкую извѣстность и сдѣлался популярнѣйшимъ поэтомъ въ Италіи.

Но заслуга Тассо въ разрѣшеніи важнѣйшаго литературнаго вопроса того времени не ограничивается лишь предѣлами его собственнаго отечества, а имѣетъ и важное общеевропейское значеніе. Дѣло въ томъ, что у всѣхъ европейскихъ народовъ, гдѣ только путемъ изученія древнихъ пробудились къ жизни античные идеалы искусства, они стали въ совершенное противорѣчіе съ новѣйшими формами романтической поэзіи и представлялись какъ-бы враждебными имъ и взаимно исключаящими. Торквато Тассо нашелъ форму, которая, будучи аналогична и подражательна античной, дѣлала, всетаки, возможнымъ выраженіе новѣйшихъ представленій. Вотъ почему его произведеніе имѣло огромное вліяніе у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы, въ особенности у романскихъ націй, къ которымъ, въ силу племеннаго родства, поэтическая древность стояла ближе, чѣмъ къ другимъ. Тассо представилъ здѣсь для нихъ первый, великій и блестящій образецъ такъ называемаго, ново-классическаго рода поэзіи и всѣ послѣдующіе поэты пошли уже въ этомъ направленіи по его стопамъ.

І. Татарскій.
